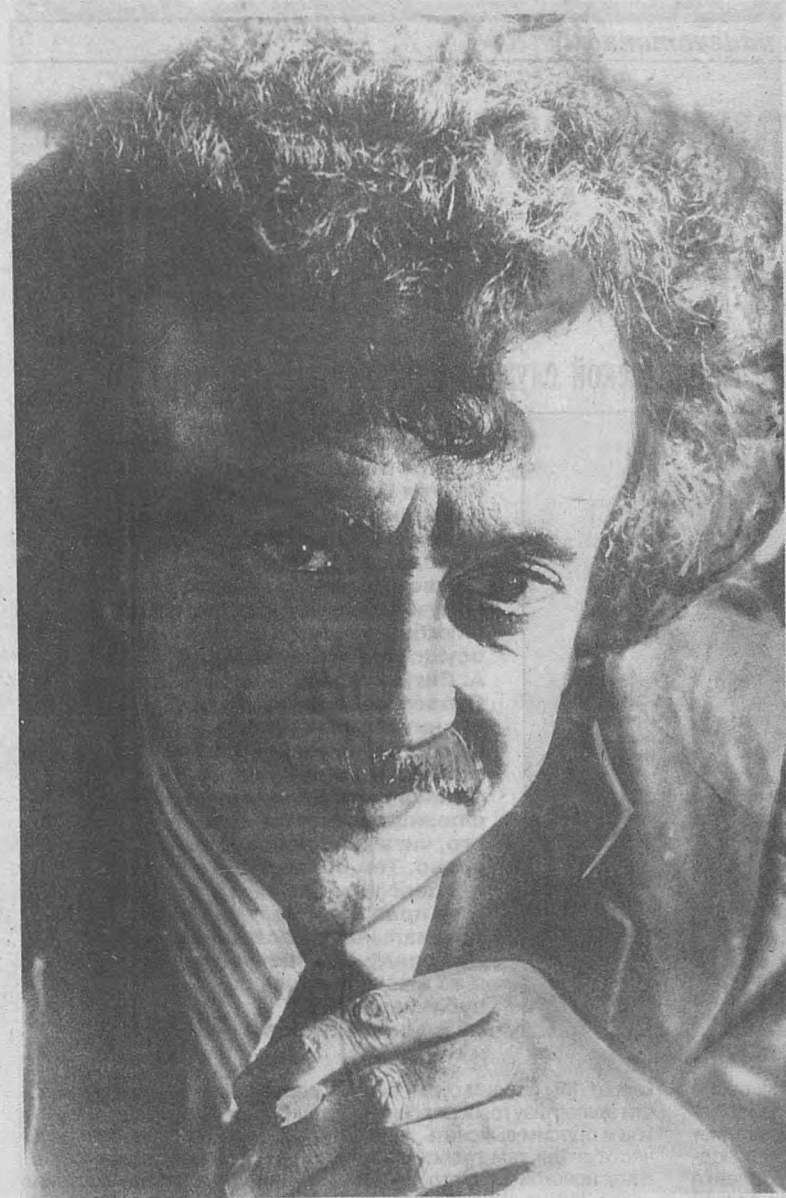

Клубные встречи

С Куртом Воннегутом я разговаривал в Саутхемптоне под Нью-Йорком.

Мы сидели в саду дома моих друзей, дома, которому было, наверное, столько же лет, сколько самим Соединенным Штатам Америки. Дом этот принадлежал когда-то, легко вымолвить, праправнучке российского декабриста и друга Пушкина Ивана Ивановича Пушкина, судьбой занесенной далеко от родной земли. Был он крыт деревянной кровлей, со множеством комнат, лесенок, чердаков, скрипучими половицами, с верандой и фигурными кустарниками в виде гигантских живых шаров. Мы сидели в саду недалеко от океана, и шум прибоя доносился до нас. Саутхемптон — обитель нью-йоркской богемы (вроде наших подмосковных Переделки или Барвихи) — можно назвать одним из райских уголков на земле.

Дом Воннегута здесь же, в Саутхемптоне, в полукилометре от пушинского. Курт пришел утром и был в хорошем настроении. Мы смеялись, ели арбуз, пили вино, фотографировались, и между всем этим мой маленький магнитофон крутился и крутился.

Курт ВОННЕГУТ:

Взг. кассет. - 1996. - 18 июля. - 67

Правительству наплевать, что говорит писатель. А из-за этого и всем наплевать

— Я живу здесь четыре месяца в году. Остальное время в Нью-Йорке. Моя жена — знаменитый фотограф и пишет книжки для детей, ей нужно быть в Нью-Йорке, а то бы я жил здесь круглый год.

— Вам известно, что Курт Воннегут едва ли не самый популярный американский писатель в России?

— После Джека Лондона... (смеется).

И с хитровой улыбкой в усах:

— Я считаю, что сегодня в мире два писателя самые знаменитые и значительные — это Маркес и Солженицын...

И после театральной паузы:

— И я.

— Простите, Курт, но я хочу задать вам вопрос: вы столько сделали в литературе, что можно уже и не писать. Вам по-прежнему хочется работать?

— Нужно работать, чтобы понять и почувствовать, есть ли в тебе еще силы, нужен ли ты жизни. Сегодня я встал в пять часов утра и работал: слова все еще текут, слова все еще приходят ко мне. Говорят, что наиболее результативно ум человека работает только четыре часа в день. Поэтому я умный только от пяти до девяти.

— Как вы считаете, вы могли бы быть более плодовитым?

— Я написал столько, сколько

мог. Вчера, к примеру, написал страницу с половиной. Говорят, что Бальзак, который считается самым плодовитым писателем, писал три страницы в день.

Недавно я читал лекцию для интересующихся литературой людей в штате Айдахо, недалеко от того места, где Хемингуэй покончил с собой. Я вполне уверен, что он чувствовал, что его талант уходит, энергия кончается. И он решил, что нет смысла продолжать жизнь. У меня все еще есть смысл.

— Вам этот страх, эти сомнения неведомы?

— Я скажу только так: "Природа не может ошибиться". Вообще я никогда не боялся ничего, но сегодня я боюсь, что меня не понимают. Это те же самые заботы, когда ваш сын учится в школе, и вы для него становитесь все глупее. Думаю, что такое же случается и со мной.

— Курт, много ли в США читателей? Существует мнение, что в Америке книг не читают, но я видел в книжных магазинах много людей, а на подмостках Национальной библиотеки в Нью-Йорке и в самой библиотеке очень много читателей.

— Могу сказать только приблизительно. И то сведения от одного специалиста. Отвечая на подобный вопрос, который я ему задал, он сказал: "Если я

бы сознался, сколько людей читают в США, и если бы я об этом сообщил в прессу, это было бы расценено как предательство моей страны: один из двадцати".

— Хочу поинтересоваться вашим мнением о том, должен ли художник быть слугой своего общества?

— Вы удивитесь, но я скажу, что я согласен с Гитлером, Муссолини и Сталиным, что художник должен быть слугой своего общества. Но вот как обслуживать общество, на это у меня абсолютно другой взгляд. Думаю, что человечество не способно хорошо вести свои дела, что человечество недостаточно умно теперь, чтобы успешно справиться со всеми проблемами, которые оно же само породило.

— Я знаю, вы воевали и у вас есть произведения о войне. Эта тема для вас исчерпана?

— Да, я уже сказал все, что хотел сказать о второй мировой войне. Я пишу сейчас о вьетнамской войне. Это будет расценено как резкая критика моей страны. Но главное, я хочу исследовать жизнь профессионального солдата. Мой герой окончил академию Вест-Пойнт. Он вспоминает, что убил столько же врагов, сколько было у него женщин. И он готов тоже распять не только Христа, но и шесть тысяч рабов, которые бастовали против Римской

империи в 71-м году, до Христа, и были повешены на Аппиевой дороге. Кому приказали это делать? Кто это делал? Профессиональные солдаты. И любой солдат это будет делать. И это чудовищно.

— Я думаю, Курт, что у нас сейчас то же самое: какой-нибудь не известный еще никому российский Воннегут пишет то же самое про Афганистан или Чечню, а мы этого не знаем.

— Я пишу о ненастоящей войне, потому что не хочу возбуждать против какой-то страны злые чувства. Главное, чтобы люди думали о профессиональном солдате, о его горькой и трагической судьбе. Станислав Лем пишет о других планетах, ужасные вещи там случаются... Ему проще.

Мой герой вспоминает, как он разыскивал врагов, прятавшихся в тоннелях, его солдат прозвали "водопроводными крысами". Они убивали не только солдат противника, но и женщин, и детей, скрывавшихся в тоннелях. Убивать — это была их работа.

Сейчас я много думаю о вьетнамской войне. Я абсолютно уверен: она аморальна, хотя у многих людей она вызывает угар патриотизма. "Как хороша моя страна и как хорош мой народ!" — думает любой из нас.

— Это неправильно?

— Я был солдатом второй мировой войны. Многие воспринимают войну романтически, но тот, кто был на войне солдатом, у того не может быть такого взгляда. У меня в то вре-

не должен следить за здоровьем или течением болезни литературы сам лично. У меня много друзей в разных странах, и они рассказывают о самом интересном и помогают мне следить за новинками. А сам я, к сожалению, много читать не могу. Раз в неделю почта доставляет несколько десятков книжек. О каждой рекомендую: "Это — самое-самое!" Ну разве есть у человека столько времени, чтобы так много одолеть?

— Вы популярны у себя на родине?

— Если я иду по Нью-Йорку, то, как правило, два человека со мной здороваются, хотя я с ними не знаком. Не знаю, плохо это или хорошо, мало или много. Я не считаю себя популярным. Популярны те, кто не вылезает из телевизора.

— Может ли писатель в США влиять на общественные, политические события?

— Влиять — это значит воспитывать, поучать. Нет! У нас никто никого не воспитывает. Может быть, поэтому у нас никогда книга, написанная американцем, не была запрещена. Разрешено все, что хотят читать американцы. Потому что правительство вот уже двести лет решительно наплевать, что говорит писатель, а из-за этого и всем наплевать.

— Вы давно не были в России? У вас там есть друзья?

— Я был у вас раза четыре-пять. Встречался с Евтушенко, был с женой у Андрея Вознесенского. Я хорошо к нему расположен и даже прошу ему, что он часто при мне говорил по телефону. Причем и в Переделкино, и здесь, в Нью-Йорке...

— Знакомы ли вы с Солженицыным? Что вы о нем думаете?

— Я с ним практически не общался. Но моя жена снимала его в Швейцарии, давно уже, и на снимках он смеется. Это редкая фотография: смеющийся Солженицын. Вы знаете, я нахожу его забавным и чувствую, что критики в Америке не видели эту забавную сторону, юмор в его описаниях. Но мне не нравится его примитивное христианство, я считаю, что это опасно. Я атеист, но я и американец. И сужу, как американец. В этой стране Солженицын считается политическим писателем, потому что именно здесь, в США, одна из самых главных партий — теократия, теократическая партия. Вера в Бога для Америки — это много значит. Если мы не можем поговорить с Богом, то нужно спросить человека, который знает Бога, знаком с ним.

— Не возникает ли у вас предчувствия, что в Америке вот-вот появится еще один выдающийся писатель, пророк?

— История учит, что предсказывать такое нельзя. Это случайность. Может быть, даже тайна. Кто за такое возьмется? Обыкновенный американец знает немецких, итальянских, японских, скандинавских писателей. Он редко видит живых русских писателей, но зато самая влиятельная литература для него — русская. Толстой и Достоевский для него важнее, чем Марк Твен или Мелвилл. Я могу спросить любого американского автора: кем бы он хотел быть в истории? И он ответит: "Чеховым".

— А вы?

— Мой самый влиятельный автор — Гоголь. Вот Гоголем я хотел бы быть!

Встречался
Феликс МЕДВЕДЕВ.